

(1) Мысль о том, трус ли я, – одна из самых острых, укоряющих мыслей моего детства. (2) Именно она впервые поставила меня лицом к лицу с самим собою. (3) Этот взгляд со стороны, иногда оправдывающий, но чаще осуждающий, неизменно помогал мне перед лицом решений, грозивших бедой – бедой, от которой нетрудно было ускользнуть, принимая эти казавшиеся почти естественными решения.

(4) Мы играли во дворе, прыгая через планку, поднимая её всё выше. (5) Потом стали прыгать с мусорного ящика – и прыгнули все, кроме меня, даже восьмилетний Боря. (6) Саша сказал, что я трус, и, возможно, это было действительно так.

(7) Я боялся гусей, ещё больше я боялся петухов, в особенности после того, как один из них сел мне на голову и чуть не клюнул, как царя Додона. (8) Правда, недавно я переплыл речку, но храбро ли я её переплыл? (9) Нет. (10) Так боялся утонуть, что потом целый день еле ворочал языком. (11) Значит, это была храбрость от трусости?

(12) Странно, но я, по-видимому, был способен на храбрость. (13) Прочитав, например, о Муции Сцеволе, положившем руку на пылающий жертвенник, чтобы показать своё презрение к пыткам и смерти, я сунул в кипяток палец и продержал почти десять секунд. (14) Но я всё-таки испугался, потому что палец стал похож на рыбий пузырь.

(15) Словом, похоже было, что я всё-таки трус. (16) А «от трусости до подлости один шаг», как сказала мама. (17) Когда я не спрыгнул с крышки мусорного ящика, она посоветовала мне сознаться, что я струсил, потому что человек, который способен сознаться, ещё может впоследствии стать храбрецом.

(18) Потом я прочёл «Севастопольские рассказы» Толстого и решил, что он написал их только потому, что ему хотелось доказать себе и отчасти другим, что он не трус. (19) Иначе он не стал бы утверждать, что на войне боятся почти все, и в том числе храбрые люди. (20) Опасность или даже только мысль об опасности делала человека трусом, но та же мысль могла сделать его храбрецом. (21) Значит, трусость зависит от того, как к ней относиться? (22) Я запутался, размышляя о том, трус я или нет, хотя меня немного успокаивала мысль, что запутался, в сущности, и Толстой. (23) Так или иначе, к трусам относились с презрением. (24) Я тоже относился к ним с презрением, и брат сказал, что это очень важно.

– (25) Следовательно, – сказал он, – в тебе всё-таки есть зачатки храбрости, которые надо развить, пока не поздно.

(26) Прошло несколько лет, и я понял, что, кроме физической храбрости, есть и другая, нравственная, которую нельзя воспитать, ныряя под плоты или прыгая с берега на сосну с опасностью для жизни.

(27) Это было в третьем классе. (28) Алька Гирв нагрубил нашему учителю, и тот велел ему стоять всю большую перемену у стенки в коридоре, а нам – не разговаривать с ним и даже не подходить. (29) Алька стоял, как у позорного столба, и презрительно улыбался. (30) Он окликнул ребят из класса, но те прошли, разговаривая, – притворились, подлецы, что не слышат. (31) Мне стало жалко, и я вдруг подошёл к нему, заговорив с ним как ни в чём не бывало.

(32) Учитель покосился на меня своими маленькими глазками, но ничего не сказал, а после вызвал мою мать в гимназию.

(33) Мать пробыла там долго, часа полтора. (34) Должно быть, учитель выложил ей все мои прегрешения. (35) Их было у меня немало.

(36) Мама пришла расстроенная, но чем-то довольная, как мне показалось.

– (37) Я сказала вашему учителю, что горжусь тем, что ты подошёл к Гирву, – сказала она. – (38) Подрывать чувство товарищества – это ещё что за метод!

(39) Она стала длинно объяснять, как, по её мнению, должен был в данном случае поступить учитель. (40) Я не слушал её. (41) Неужели это правда? (42) Я не трус?

(43) Долго я старался доказать себе, что я не трус. (44) А оказалось, что для этого нужно было только поступить так, чтобы потом не было стыдно.

(По В.А. Каверину*)

* Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) – русский советский писатель, драматург и сценарист.